

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Шалагинов Денис Сергеевич

ПРОБЛЕМЫ ИММАНЕНТИЗМА В НЕСТАБИЛЬНЫХ ОНТОЛОГИЯХ

РЕЗЮМЕ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук НИУ ВШЭ

Научный руководитель:
Гаспарян Диана Эдиковна
кандидат философских наук, доцент

Москва - 2018

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Становление – фундаментальная проблема философии: вопрос о том, как помыслить бытие единым и неизменным, не исключая время как проводник изменчивости, занимает важное место уже в Античности, ведь «изменяясь, единое уже не может быть единым»¹ и самотождественным². Одним из классических решений этой проблемы стало онтологическое разведение бытия и становления, дублируемое эпистемологическим разделением истины и мнения: если первая связана с «доступом» к бытию как неизменной реальности, то второе относится к становлению³. Отделение единого бытия как трансцендентного предела от имманентных миру множественности и становления позволило обосновать императив стабильности, сформулированный онтологически, т. к. эта операция несет на себе печать различения бытие/небытие⁴, исходя из которого упорядочиваются все остальные различения: что есть, то не становится – что становится, то *не* есть. Исходя из этой перспективы, становление мыслится как переход от небытия к бытию, причем приоритет остается за вторым. Таким образом, становление и неустойчивость изначально проходят под рубрикой небытия, что ставит в затруднительное положение тех, кто рискнет задаться вопросом о возможности нестабильной онтологии. Гипотетическим условием этой возможности является радикальный имманентизм, т. е. отказ от допущения каких бы то ни было трансцендентных оснований. Поэтому необходимо вкратце описать «механизмы» метафизического мышления, а затем очертить контуры проблемного поля, попутно проясняя основные используемые концепты (нестабильные онтологии, виртуальное, актуальное и т. д.).

---

¹ Платон. Парменид // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 362.

² «Тезис элеатов, если его выразить формально-логически, свелся бы... к закону тождества: А есть А» (Гайденко П. П. История греческой философии в ее связи с наукой. М.; СПб., 2000. С. 117).

³ Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 1994. С. 7.

⁴ Различение бытие/небытие само является производным от первичного разделения наблюдатель/наблюдаемое (Луман Н. Самоописания. М., 2009. С. 38).

Без риска повреждения дуальной терминологической рамки в данном контексте «небытие» и «бытие» могут быть заменены понятиями «возможное» и «действительное». Действительное означает наличествующее в данный момент времени. Возможное отсылает к еще не возникшему (не сущему), но способному возникнуть. Этот концептуальный инструментарий позволяет помыслить мир в аспекте его изменения. При этом онтологически действительное первично, потому что, согласно Пармениду, небытия нет. Поэтому, несмотря на то, что развитие подобного мира предполагает *некоторую* долю неопределенности, последняя весьма незначительна, т. к. возможное представляет собой всегда определенное не-сущее, которому предписывается некая заданная цель реализации. Например, семя является возможным по отношению к действительному растению. Здесь уместно было бы вспомнить о введенном Аристотелем понятии «гомеомерии» (семена вещей), которое отсылает к идее Анаксагора о том, что всякому телу соответствует определенный вид элементарного начала. Таким образом, каждому объекту (действительное) соответствует некоторая «гомеомерия» (возможное). В данном случае мы имеем дело с эдаким «метафизическим преформизмом» – философской позицией, которая состоит в том, что любое сущее изначально обладает некоей индивидуальной целью. Первичное онтологическое различие и все его дериваты позволяют редуцировать мир к его актуальному человекомерному образу: «глубинное онтологическое различие вводит квазинормативный постулат, который должен пониматься как требование порядка»⁵. Таким образом, онтология выступает в качестве стабилизирующего инструмента, предельного выражения «кинематографического механизма мышления», позволяющего мыслить становящееся лишь с помощью его отражения в череде дискретных образов. Чтобы попытаться найти выход из этой эпистемологической ситуации, можно попробовать дополнить дуальную терминологическую рамку третьим термином, подобно тому, как это сделал Гегель, для которого

---

⁵ Луман Н. Самоописания. М., 2009. С. 38.

неопределенность чистого бытия требует перехода в свое отрицание, а затем соединения полагания и отрицания в третьем понятии. Однако этот ход оказывается отнюдь не настолько новаторским, если допустить, что со времен Фалеса «философы спорили о том, должна ли мысль остановиться на Трех или Двух, должна ли она достигнуть Единого или, по крайней мере, должна стремиться к его достижению; по правде говоря, все сходились на Диаде»⁶ – в отличие от Гегеля, который предпочел остановиться на триаде. Этот «ответ на вопрос предпочтений» позволяет мыслить становление как исторический процесс, управляемый хитростью разума, а значит – процесс телеологический. В гегельянской перспективе, цель истории – в достижении единого, т. е. своего конца⁷ как завершения отрицательной деятельности человека и ликвидации зазора между человеческим и природным, небытием и бытием. Но и в этом случае изменение мыслится как переход от точки к точке, а не как непрерывное становление, которое не имеет ничего общего с телеологией. В данном случае изменение понимается как линейный прогрессивный процесс.

Таким образом, в наскоро очерченных выше философских позициях изменение происходит поступательно – от простого к сложному либо наоборот, однако, принимая всерьез подобные подходы, мы, тем не менее, вынуждены будем признать, что мыслим не столько становление, сколько ставшее – не столько время, сколько его пространственные воплощения. Кроме того, здесь нельзя не задаться вопросом о новизне нового⁸: если «начало – это также и конец», насколько уместно говорить о новизне в принципе? Для того чтобы попытаться обойти тупики, возникающие в результате ориентации на дуалистические модели, необходимо

---

⁶ Кожев А. Предисловие к произведениям Жоржа Батая // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994. С. 315.

⁷ По Гегелю, становление как «безудержное движение» не способно удержаться в своей «абстрактной подвижности, ибо, так как бытие и ничто исчезают в становлении, а лишь это исчезновение и составляет понятие становления, оно, следовательно, само есть некое исчезающее, огонь, который потухает в самом себе, пожрав свой материал» (Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 228).

⁸ «...Как следует понимать новое... в мире, управляемом детерминистическими законами?» (Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 1994. С. 7).

переосмыслить саму идею изменения. Здравый смысл подсказывает нам, что новое является таковым лишь по отношению к старому, от которого оно отличается. Таким образом, новое «изначально» оказывается подчиненным уже виденному, его различие считается вторичным по отношению к тождеству, т. е. мы исключаем время и мыслим становление «кинематографически», как «нечто» дискретное. Однако отказ от идеи о приоритете тождества может помочь нам осуществить необходимую смену перспективы: что если само тождество принимается за отправную точку ошибочно? Средства для подобной смены можно, в частности, обнаружить в концепции Габриэля Тарда, тезис которого состоит в том, что существование – это различие, а тождество – крайне редкий вид различия (как покой есть лишь частный случай движения или круг – разновидность эллипса). В этом смысле Тард, фактически, осуществляет инверсию традиционной метафизической догмы. Вывод из этой инверсии состоит в том, что само изменение изменяется, и не может быть подтверждений тому, что степень изменения возрастает или уменьшается со временем. Это расшатывает представление о становлении как линейном процессе: конструкция железнодорожного вокзала, например, проще и стройнее конструкции средневекового замка, но для строительства первого необходим более сложный комплекс средств и специальностей. Важно, что различие всегда сопровождается повторением: несмотря на то, что «развитие цивилизации делает людей во многих отношениях более разными, это происходит не иначе, как за счет их уравнивания в других отношениях через растущее единообразие законов, нравов, обычаев и языков»⁹. При этом увеличение однородности по необходимости влечет за собой уменьшение устойчивости. Здесь необходимо обратиться к концепту нестабильности.

Нестабильность означает невозможность приложения меры к становлению, т. е. неспособность прогнозировать изменения: некоторые

---

⁹ Тард Г. Монадология и социология. Пермь, 2016. С. 46.

события способны изменять ход эволюции, которая, таким образом, является нестабильной¹⁰. Учет времени и нестабильности требует пересмотра классической рациональности. Здесь следует говорить об «открытой рациональности» (В. Буданов), которая ориентирована не только и не столько на бытие (тождество), сколько на становление (различие). Открытая рациональность постметафизична. Необходимо внести некоторую ясность в значение префикса «пост» – сделать это возможно лишь путем прояснения того, к чему он прилагается. В традиционном понимании метафизики можно выделить четыре аспекта: во-первых, речь идет о теории абсолютной тотальности; во-вторых, теории, которая проводит различие между бытием и явленностью; в-третьих, теории, допускающей, что существует нечто над/под-природное; в-четвертых, теории сущности, которая позволяет познавать то, что есть, посредством отделения «бессмысленных мереологических сумм» от того, что есть нечто, а не ничто¹¹. Указанные аспекты предполагают допущение некоего «фундамента», последнего [разумного] основания. Понятие «метафизика» обозначает учение о первых причинах, ключевым импульсом которого является поиск универсалий и стремление к построению тотальной системы мира. Этот импульс неотделим от аксиологической системы, ориентированной на *стабильность*. Чтобы обеспечить себя фундаментом, метафизическая мысль вынуждена сама себе устанавливать некий предел, заранее заданное основание, однако «если физика никаких пределов не находит, то совершенно непонятно, где может находиться то самое за-предельное, в смысле *мета*, которое находится за физикой»¹². В этом смысле отказ от установления последних оснований является постметафизическим шагом.

Теперь обратимся к концепту «нестабильных онтологий». Этот концепт был введен в философский словарь Оливером Мархартом в середине

---

¹⁰ Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М, 1994. С. 54.

¹¹ Габриэль М. Метафизика или онтология? Нейтральный реализм. М., 2017. С. 7-9.

¹² Кузнецов В. Взаимосвязь единства мира и единства культуры. М., 2013. С. 67, 64.

двухтысячных годов¹³. Австрийский исследователь использовал его для того, чтобы обозначить «точку конвергенции» трех направлений развития континентальной философии XX-XXI вв.: «онтологии нехватки», «онтологии избытка» и «онтологии различия». Эти во многом несовместимые философские линии обладают как минимум одним важным сходством: они могут быть помещены в «пост-основной» (post-foundational) горизонт, т. е. в пространство мысли, ликвидирующее доступ к основанию бытия как полноты присутствия. Отсюда следует определение нестабильных онтологий как онтологий, в рамках которых осуществляется деконструкция достаточного основания. Необходимо сделать три важных оговорки.

Во-первых, я допускаю вероятность того, что более удачным может быть концепт «философии нестабильности» (И. Пригожин), т. к. он лучше передает замысел конструирования устойчивой теоретической системы, которая послужила бы для описания несамотождественных (нестабильных) объектов. Однако я склонен использовать оригинальный концепт Мархарта по двум причинам: 1) любой концепт несет на себе подпись своего автора (Делёз/Гваттари); 2) «философия нестабильности» отсылает к синергетике, обращение к которой потребовало бы серьезной физико-математической компетенции, которой я ни в коей мере не обладаю.

Во-вторых, возникшее в XVII веке понятие «онтология» предполагает коннотации стабильности и функционирует как требование порядка, что в нашем случае приводит к тому, что концепт нестабильных онтологий оказывается своего рода оксюмороном. Однако я считаю, что эту трудность можно обойти. Если формула «заниматься борьбой с метафизикой – значит по-прежнему заниматься метафизикой»¹⁴ верна, ничто не мешает нам экстраполировать эту схематику в область онтологии. Исходя из этого, мы вынуждены будем признать, что лозунг «перевернуть онтологию, отстранить

---

¹³ *Marchart O.* The Absence at the Heart of Presence: Radical Democracy and the 'Ontology of Lack' // *Radical Democracy between Abundance and Lack.* Manchester, 2005. P. 17-31.

¹⁴ *Жирар Р.* Насилие и священное. М., 2010. С. 122.

фундамент, аннулировать начало и конец»¹⁵, несмотря на подчеркнута анти-онтологический посыл, все-таки является сугубо онтологической манифестацией, т. к. заниматься «переворачиванием» онтологии – значит по-прежнему заниматься онтологией.

В-третьих, данное исследование сконцентрировано на проработке «сюжетов» пост/делёзианской философии, поэтому более уместным, на первый взгляд, может показаться предложенный Эндрю Пикерингом концепт «онтологии становления»¹⁶, который введен в качестве альтернативы дуалистическим онтологиям. Но, на мой взгляд, концепт онтологии становления не позволяет передать нестабильный характер последнего: становление имеет место и в онтологии Платона, что не делает ее менее «стабильной».

Необходимо вкратце рассказать о трех типах нестабильных онтологий, выделенных Оливером Мархартом, и объяснить, почему мое внимание будет сфокусировано на так называемой онтологии избытка. Начнем с «онтологии нехватки», которая ассоциируется с кожевианским толкованием «Феноменологии духа». Кожев разделяет мир на два полюса – тождества (природа) и негативности (субъект). Если природное бытие всегда равно себе и в этом смысле не испытывает нехватки ни в чем, то бытие субъекта определяется через его способность к отрицанию: субъект не может быть помыслен как нечто «полное» – он дан исключительно в качестве нехватки самого себя. Субъект, утративший свою способность к отрицанию данности, согласно Кожеву, перестает быть собственно человеческим субъектом – существом отрицающим, а значит, историческим. Именно в этом смысле я говорю о том, что в онтологии нехватки присутствие (субъект) определяется посредством конститутивного отсутствия (нехватки как самотождественности, так и тождественности с окружающим

---

¹⁵ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М., 2010. С. 45.

¹⁶ Пикеринг Э. Новые онтологии // Логос. 2017. Т. 27. № 3. С. 157.

[неисторическим] природным миром). Таким образом, ключевой характеристикой онтологии нехватки является, на мой взгляд, обращение к мотиву «антропологической негативности», т. е. концептуализация человека как «агента отрицания». В «онтологии различия», которая берет начало в работах Хайдеггера и впоследствии получает развитие у Деррида, проблематизируется различие, концепт которого служит для фиксации феномена постоянного отличия присутствия от самого себя, не позволяющего подступиться ни к какой стабильной основе бытия. Вкратце идеи представителей линии различия могут быть описаны следующим образом: традиционная парменидовская онтологическая парадигма предполагает разделение бытия и небытия, причем первое есть, а второго нет. Но сама эта оппозиция отсылает нас к первичной операции различения, тем самым между бытием и небытием пребывает различие, но само различие, по логике представителей рассматриваемой философской линии, не может быть помыслено в качестве начала, т. к. начало должно быть тождественно само себе, а различие остается отличным от самого себя – именно в этом смысле оно не способно стать онтологическим «фундаментом». Ключевой концепт деконструкции – «*differance*» – отнюдь не является другим именем отрицания, нехватки. Этот неологизм Деррида содержит в себе два смысловых аспекта: [1] дифференциация, т. е. процесс различения, в ходе которого возникают бинарные оппозиции (например, онтологическое (общее) и онтическое (частное)) и приобретают определенность термины, их составляющие, и [2] темпорализация, т. е. постоянное откладывание доступа к полноте присутствия (и смысла): каждый термин (или знак, т. к. базовым теоретическим референтом деконструкции является, помимо философии Хайдеггера, лингвистическая теория Соссюра) содержит в себе след другого термина (знака) и отсылает к нему, оказываясь неполным, несамотождественным. Таким образом, «бытие», которое в пантекстуалистской философии Деррида и его последователей мыслится, скорее, в качестве «культурного текста», нежели непосредственно данной

реальности, становится сетью отсылающих друг к другу означающих, не образующих никакой тотальности. Развиваемая Жилем Делёзом и его последователями «онтология избытка» исходит из принципа «всегда есть больше», которым замещается онтологический вопрос «почему есть нечто, а не ничто?» Я считаю, что двумя ключевыми концептами в философии Делёза/Гваттари являются «актуальное» и «виртуальное». Виртуальное и актуальное – в отличие от возможного и действительного – не формируют устойчивую оппозицию, т. к. виртуальным является все, что погружено в процесс актуализации. Виртуальное не является противоположностью реального или его копией – оно обозначает абстрактную силу существования, которая подталкивает процесс актуализации, разрешаясь в веренице явлений и, таким образом, выступает двигателем непрерывного становления¹⁷. Речь, следовательно, должна идти не о виртуальной реальности, а о реальности виртуального. Здесь мы имеем дело с «бытием» в аспекте его фундаментальной неопределенности, неоформленности. Актуальное представлено дискретными сборками сущего, тогда как виртуальное континуально и не-дискурсивно. Виртуальное – это ни в коем случае не возможное, а, скорее, *наоборот* (концепт мобилизован в качестве инструмента радикальной критики категории возможного). Виртуальное отличается от возможного тем, что второе лишено реальности, тогда как виртуальное, не являясь актуальным, тем не менее ей обладает. Процесс реализации возможного подчиняется правилам сходства и ограничения: реальное «существует в образе возможного, которое оно реализует», однако реализация осуществляется избирательно: «реализация подразумевает ограничение, согласно которому одни возможности... отвергаются или пресекаются, тогда как другие “переходят” в реальность»¹⁸. Правила актуализации виртуального иные: это различие и расхождение: «...Чтобы актуализироваться, виртуальное не может развиваться путем элиминации или

---

¹⁷ Массуми Б. Воображая виртуальное. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_12/2.pdf

¹⁸ Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М., 2001. С. 306-307.

ограничения, но оно должно творить свои собственные линии актуализации в позитивных актах. Причина этого проста: в то время как реальное существует по образу и подобию реализуемого им возможного, актуальное, со своей стороны, вовсе не похоже на воплощаемую им виртуальность. Именно различие является первичным в процессе актуализации»¹⁹. Иначе говоря, концепт виртуального необходим для того, чтобы порвать с логикой предзаданного образца и, в конечном счете, с приоритетом тождества, т. к. само виртуальное отсылает к различению как процессу производства нового. В этом смысле виртуальность – лишь другое наименование времени: различие и время синонимичны²⁰. Эта синонимия обусловлена тем, что именно время выступает в роли проводника различия, силы растождествления и дестабилизации, при этом время мыслится как не человекомерное, т. е. не дискретное²¹. Этот континуальный процесс соответствует тому, что Бергсон обозначил как длительность²². Концепты длительности, памяти и жизненного порыва позволяют Бергсону/Делёзу описать механизм становления как актуализации²³. В каждый момент время расщепляется на «проходящее настоящее» и «сохраняющееся прошедшее»²⁴, при этом прошлое является для времени тем же, чем смысл для языка, а идея – для мысли: «Мир уходит своими корнями в предшествующее/внутреннее, в неподвижное время, в виртуальный горизонт»²⁵, т. е. в космологическую

---

¹⁹ Там же. С. 307.

²⁰ *Marrati P.* Life and Event: Deleuze on Newness // *A Time for the Humanities: Futurity and the Limits of Autonomy.* New York, 2008. P. 18.

²¹ Дело в том, что «чем больше нечто очеловечено, тем менее сказывается на нем та сторона естественного процесса, что связана с движением и декомпенсацией. Во всем, что длится какое-то время в качестве человеческого, человек поддерживает определенное постоянство – и прежде всего в самом себе» (*Лакан Ж.* Имена отца. М., 2006. С. 34).

²² Бергсон определяет длительность как «непрерывное развитие прошлого, вбирающего в себя будущее и разбухающего по мере движения вперед» (*Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 2015. С. 12); длительность собирает прошлое и будущее в «вариации своего вечного живого настоящего» (*Делёз Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М., 2010. С. 316).

²³ «...Длительность по существу определяет виртуальное многообразие (то, что различается по природе). Тогда как Память появляется как сосуществование всех степеней различия в данном многообразии, в данной виртуальности. Наконец, Жизненный Порыв обозначает актуализацию такого виртуального согласно линиям дифференциации в соответствии со степенями...» (*Делёз Ж.* Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М., 2001. С. 322).

²⁴ *Делёз Ж.* Кино. М., 2013. С. 336.

²⁵ *Монтебелло П.* Бергсон и Делёз, контр-феноменология // *Логос.* 2009. № 3 (71). С. 104.

память, поэтому если в контексте онтологии избытка и можно говорить о «бытии», то это бытие отсылает к прошлому как своего рода неподвижному двигателю, парадоксальный характер которого связан с тем, что, будучи «неподвижным», прошлое тем не менее постоянно растет: «если прошлое растет непрерывно, то оно и сохраняется бесконечно»²⁶. Виртуальное и актуальное, как было сказано выше, не формируют оппозиции: речь идет о квазидуалистическом разграничении экстенсивных и интенсивных множественностей. Именно с этой операцией разделения двух режимов множественности – интенсивной и экстенсивной (виртуальной и актуальной) связана идея избытка: виртуальное мыслится как бесконечный ресурс в силу того, что к нему неприменима мера. В рамках онтологии избытка мы встречаемся с [1] полным отказом от телеологии: актуализация мыслится как становление без цели; [2] представлением о фундаментально неопределенном бытии; [3] пониманием любого сущего как (само)различающегося; [4] постулированием онтологического сосуществования виртуального и актуального. Описанная модель становления отличает делёзианскую «картину» мира от замкнутых метафизических вселенных стабильности, с которыми мы встречаемся, например, в философии Лейбница или Спинозы, чья «Этика» повествует об универсуме, в котором не происходит ничего «нового»²⁷. Тогда как во всех трех представленных выше онтологических типах – «нехватки», «различия», «избытка» – мы сталкиваемся с нестабильностью и безосновностью²⁸.

Появление нестабильных онтологий, на мой взгляд, связано с важной тенденцией в становлении континентальной философии XX века – движением по направлению к окончательному отказу от деления мира на чувственный и интеллигибельный, или феноменальный и ноуменальный.

---

²⁶ Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2015. С. 12

²⁷ Это связано с наличием в этой вселенной деятеля, который является «причиной своей абсолютной неизменности на всем протяжении времени (и даже до времени)» (Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., 2007. С. 60).

²⁸ Marchart O. The Absence at the Heart of Presence: Radical Democracy and the 'Ontology of Lack' // Radical Democracy between Abundance and Lack. Manchester, 2005. P. 27.

Начало этой операции, которую можно назвать «детрансцендированием»²⁹, было положено еще в XIX веке, а именно – в философии Гегеля: «... “Феноменология духа” – это как раз та великая книга, которая провозглашает исчезновение двух миров; отныне существует один-единственный мир. Формула Гегеля такова: за занавесом ничего не увидишь. С философской точки зрения это означает, что феномен – это уже не явление, за которым располагается некая сущность; феномен – это явленность, отсылающая к условиям своей явленности. Существует один-единственный мир. В этот-то момент философия разрывает последние узы, привязывающие ее к теологии»³⁰. Именно система Гегеля, в глазах которого мир становится как платформой, так и продуктом стремления абсолютного духа к завершенности, к конечному тождеству, даёт толчок к возникновению онтологии нехватки, ведь как раз толкованию «Феноменологии духа» был посвящен семинар, который Александр Кожев вел в Высшей практической школе в Париже с 1933 по 1939 гг. Проект Кожева был направлен на производство своего рода антропологической теории негативности, нехватки и желания. Это была своеобразная попытка «хайдеггеризации Гегеля»³¹. Идеи Гегеля важны для Кожева потому, что именно он ввел фундаментальную для последнего категорию негативности. Но посредством ассимиляции негативности и хайдеггерианской идеи конечности (внутренней темпоральности *Dasein*) Кожев создает экзистенциальную, антропологическую версию гегелевской диалектики, поле применения которой исключает природу. Эта версия гегелевской философии приобретает огромную популярность во Франции 1930-1960-х гг., в связи с чем негативность возвышается до статуса инструмента освобождения, ведь диалектика рабства и господства, истолкованная в качестве борьбы за

---

²⁹ Иначе говоря – ниспровержением платонизма, сопряженного с произвольным допущением иллюзии раскритикованных Ницше «задних миров» (*Гаспарян Д. Э. Введение в неклассическую философию. М., 2011. 398 с.*).

³⁰ *Делёз Ж. Лекции о Лейбнице. М., 2015. С. 122.*

³¹ *Marchart O. The Absence at the Heart of Presence: Radical Democracy and the ‘Ontology of Lack’ // Radical Democracy between Abundance and Lack. Manchester, 2005. P. 19.*

признание, заводит «локомотив» истории, которая является историей поэтапной человеческой эмансипации. Тем самым Кожев, несколько отстраняясь от хайдеггерианской созерцательности и радикализуя гегельянскую идею историчности, понимает негативность как поистине конструктивный акт. Тем не менее кожевианское прочтение диалектики, в рамках которого господин и раб неразрывно связаны друг с другом благодаря отрицающей борьбе за признание, являющейся фундаментальным историческим антагонизмом, сопряжено с несколько искаженным пониманием хайдеггерианской идеи конечности. В «Бытии и времени»³² немецкий философ постулирует внутреннюю темпоральность Dasein, основанную на его конечности, тем самым определяя Dasein как бытие-к-смерти. В то же время конечность нельзя путать с концом жизни, т. к. смерть никогда не может быть достигнута как таковая – мы можем лишь наблюдать чужую смерть, но не свою собственную. Тогда как в соответствии с концепцией Кожева господин – тот, кто готов принять свою конечность и рискнуть жизнью в борьбе за признание, тем самым вынуждая раба распознать в нем господина. Но это признание является вынужденным. Полное же признание достижимо лишь в финальном синтезе, иначе говоря – в конце истории, идея которого занимает важное место в философии Кожева, но не вполне согласуется с упомянутой недостижимостью смерти у Хайдеггера. Это подтолкнуло последователей Кожева к радикализации его модели. Одной из значительных попыток в данном направлении стала сартрианская. Она была наиболее полно представлена в главном труде философа, озаглавленном вполне в духе «дуалистической онтологии» Кожева, – «Бытие и ничто». Развивая идею о неразрешимом характере негативности, Сартр переработал традиционный онтологический вопрос о «бытии-как-бытии» в теорию «бытия-как-нехватки»³³. Философ разделил реальность на два полюса – бытие-для-себя (сознание) и бытие-в-себе

---

³² Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2011. 460 с.

³³ Marchart O. The Absence at the Heart of Presence: Radical Democracy and the 'Ontology of Lack' // Radical Democracy between Abundance and Lack. Manchester, 2005. P. 20.

(природа), наделив первый статусом «агента негативности», а второй – опять же в согласии с учением Кожева – позитивности, тождества. Конститутивным элементом человеческого измерения бытия становится отрицание, что позволяет говорить о «гуманизации ничто»³⁴. В силу того, что сознание всегда является сознанием чего-то, оно обречено на незавершенность, т. к. неизбежно сохраняет необходимость во внешнем объекте. Таким образом, в «самом сердце» субъекта – нехватка самотождественности. Более того, с этим бесполезно бороться, т. к. воображаемая будущая целостность недостижима. Основание бытия не может быть обретено. Для Сартра, как и Кожева, негативность и нехватка являются продуктивными, а не нигилистическими категориями. Концепцию другого важного последователя Кожева – Жака Лакана – можно охарактеризовать (разумеется, предельно обобщенно) как своеобразный сплав из фрейдизма, кожевианской диалектики и сартрианской идеи «нехватки бытия». Необходимо также упомянуть имя Жоржа Батая, который, на мой взгляд, занимает весьма необычное место в онтологии нехватки, о чем будет подробнее сказано ниже.

С 1960-х гг. восхищение гегельянской диалектикой сменяется ее суровой критикой. В прежде восхваляемой системе обнаруживается неожиданное измерение: если раньше в идеях Гегеля видели путь к постепенному освобождению, то теперь динамическая триада тезиса, антитезиса и синтеза обвиняется в своего рода апологии насилия, ведь диалектическое движение устранения противоречия в синтезе может быть прочитано и как растворение чужого в своем, иначе говоря – потенциальная колонизация. Возможность подобного подхода к трактовке диалектики была отмечена задолго до 60-х (еще в 1929 году) одним из ярких представителей российской философии Михаилом Бахтиным, который весьма негативно отозвался об идеях Гегеля: «Гегелиански понятый единый, диалектически

---

³⁴ Декомб В. Современная французская философия. М., 2000. С. 15.

становящийся дух ничего, кроме философского монолога, породить не может. Менее всего на почве монистического идеализма может расцвести множественность неслиянных сознаний»³⁵. Другой влиятельный критик гегельянства – представитель Франкфуртской школы социальных исследований Теодор Адорно – предлагает проект негативной диалектики – не столько альтернативу гегельянской, сколько ее радикализацию. Для Адорно гегелевская диалектика недостаточно отрицательна – ее должна заменить негативная диалектика как способ мысли, наиболее успешно выявляющий противоречия в [социальной] реальности. Адорно подвергает критике синтез как акт отождествляющего мышления и выражает сомнение в истинности систематического знания как формы тотальности. Еще одной важной фигурой в процессе ревизии гегелевской диалектики, на мой взгляд, является Жильбер Симондон, который противопоставил свою теорию становления той, что была развита в системе немецкого философа: если для Гегеля противоречие тезиса и антитезиса снимается посредством отрицания, а синтез предполагает отрицание отрицания, благодаря которому развитие переходит на иной уровень сложности, то Симондон заявляет об отсутствии результата синтеза, т. к. фактически имеет место лишь «синтетическое комплементарное отношение», тогда как собственно синтез никогда не осуществляется: отсутствие «синтетического ритма», таким образом, равносильно отсутствию основания для нового тезиса. Иначе говоря, Симондон понимает становление не как восхождение к некоей цели, а как перманентный процесс изобретения, предполагающий постановку и решение проблем в условиях метастабильности³⁶. Этот подход чрезвычайно близок бергсонистской/делёзианской позиции, претендующей на полную ликвидацию негативности как ложной идеи³⁷. Этот шаг намечается уже в

---

³⁵ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. С. 37 (С. 231).

³⁶ Куртов М. Генезис графического пользовательского интерфейса. К теологии кода. СПб., 2014. С. 55.

³⁷ Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2015. С. 198-215; Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М., 2001. С. 229-249. Делёз акцентирует внимание на произведенной Симондоном замене негативного проблематическим (*Deleuze G. On Gilbert Simondon // Desert Islands and Other Texts 1953-1974. New York, 2004. P. 88*).

раннем творчестве Делёза, который подвергает диалектику критике потому, что гегельянская логика, по его мнению, является «логикой восполнения нехватки». Более того, важное место в системе французского философа занимает мотив отказа от дуализма субъекта и объекта, иначе говоря – от той самой антропологической позиции, которую занимали Кожев, Сартр и Лакан, ведь, согласно Делёзу, последовательной является та онтология, которая опирается на идею единства бытия, несовместимую с антропологической теорией негативности, четко отделяющей познающего субъекта от познаваемого объекта³⁸. Этот «протест» против дуализма приводит к возникновению онтологии избытка, условной датой рождения которой можно назвать 1972 год, т. е. год публикации трактата Делёза/Гваттари «Анти-Эдип». В этой работе была представлена новаторская концепция желания – негегельянская и неэкзистенциалистская. Ее суть выражена в следующей формуле: «Не желание подкрепляется потребностями, а наоборот – потребности проистекают из желания»³⁹. Иначе говоря, в теории Делёза/Гваттари провозглашается онтологический приоритет феномена позитивности избытка над феноменом нехватки и негативности. В этой инверсии бросается в глаза попытка порвать с Гегелем, однако, по мнению Мархарта, на уровне аргументации довольно сложно разобраться, какой из «феноменов» действительно является «изначальным», поэтому единственное, что остается, – выбрать одну из враждующих позиций⁴⁰.

Однако свою задачу я вижу не в поддержании спора о том, что является «действительным» или «изначальным», который хотя бы в силу используемой терминологии рискует коллапсировать в метафизический регистр. Мой выбор [избытка] оправдан характерными особенностями пост/делёзианской философии. Если Хайдеггер вслед за Гуссерлем, утверждавшим необходимо трансцендентный характер бытия мира, понимает

---

³⁸ Gutting G. Thinking the Impossible. French Philosophy Since 1960. New York, 2011. P. 39.

³⁹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2008. С. 50.

⁴⁰ Marchart O. The Absence at the Heart of Presence: Radical Democracy and the 'Ontology of Lack' // Radical Democracy between Abundance and Lack. Manchester, 2005. P. 26.

бытие-в-мире как трансценденцию, что не могло не наложить отпечаток на всех теоретиков, чьи концепции инспирированы феноменологическим направлением (в их числе Кожев, Сартр и Деррида), то одним из опознавательных признаков онтологии избытка является строгий имманентизм.

Делёзианская имманентистская философия становления неотделима от политических импликаций: мыслить фиксированными сущностями – значит исходить из приоритета тождества, или попросту тавтологии, однако «тавтология – это всегда идеология, рационализирующая систему власти»⁴¹. В этом заключается одна из причин интереса к имманентизму, проявленного такими социально-политическими мыслителями, как Антонио Негри и Майкл Хардт, Маурицио Лаццарато, Франко «Бифо» Берарди, Паоло Вирно, Петер Слотердаик и многие другие. В рамках настоящего исследования проанализированы их концепции и показано, что такие философские течения, как постопераизм, акселерационизм, а также социальная философия Слотердайка не просто испытали влияние делёзианства, но представляют собой продукты перевода его идей на язык социально-политической теории. Не следует забывать о том, что задачей философии, по Делёзу/Гваттари, является «сопротивление настоящему», поэтому в завершение работы я обращаюсь к проблематике «подрывного утверждения», чтобы показать, как эта тактика воплощает имманентистские идеи, в частности связанные с избытком и юмором, в политических/эстетических практиках. Мой тезис состоит в том, что единственной последовательной практикой сопротивления в условиях имманентности, т. е. невозможности внешней позиции, является гиперидентификация. **Актуальность** предлагаемого диссертационного исследования пропорциональна вносимому им вкладу в прояснение имманентистских стратегий в условиях реактуализации делёзианского наследия современными представителями континентальной философии.

---

⁴¹ Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака. М., 2004. С. 80-81.

Передо мной возникает перечень **проблем**, напрямую связанных с имманентистским подходом в рамках нестабильных онтологий:

– во-первых, признавая невозможность ликвидации зазора между спекулятивной делёзианской онтологией, политической теорией постопераизма и социальной философией Петера Слотердайка, необходимо продемонстрировать, что теории Негри/Хардта, Слотердайка и других являются попытками адаптации онтологии Делёза к области политической и социальной философии. Для этого нужно выявить базовый «механизм», лежащий в основе этих теорий. Я считаю, что этот механизм отсылает к концептуальной паре виртуальное/актуальное, что позволяет классифицировать эти теории как онтологии избытка.

– во-вторых, я полагаю, что в данном контексте нужно обратиться к проблеме субъекта и реконструировать способ его концептуализации в рамках философских построений, ассоциирующихся с «антропологической негативностью», чтобы сопоставить эти построения с «аффирмативистскими» идеями представителей онтологии избытка, что предположительно позволит прояснить вопрос об устранении трансцендентного в их концепциях.

– в-третьих, необходимо показать, каким образом в рамках онтологии избытка происходит устранение трансцендентного, и тем самым подтвердить (либо опровергнуть) претензию на его ликвидацию. Я считаю, что этот вопрос напрямую связан со специфической концептуализацией субстанции и переосмыслением традиционной онтологической проблемы единого/многого.

– в-четвертых, необходимо не просто поставить под вопрос критический потенциал пост/делёзианской философии в современных условиях, но и усомниться в самой релевантности критики как инструмента «сопротивления настоящему».

Объект и предмет исследования

Объект исследования – философские концепции представителей онтологии избытка.

Предметом настоящего исследования является модель становления, основанная на концептуальной паре виртуальное/актуальное.

Цели и задачи исследования

Цель данной работы состоит в том, чтобы показать, что модель становления как актуализации является базовой для построения анализируемых в рамках настоящего исследования имманентистских онтологий.

Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач**:

- Установить сходства и различия в трактовках субъекта в онтологии нехватки и различных вариантах онтологии избытка;
- Обратиться к проблематике единого/множественного в онтологии избытка и показать, как специфическая концептуализация множественности позволяет преодолеть онтологический дуализм;
- Осуществить критический разбор аффирмативистских и акселерационистских подходов и показать, какое место может занимать негативность в пост/делёзианской философии.

Степень разработанности проблемы. Концепт нестабильных онтологий не получил широкой популярности в философской литературе. Попытка лишить этот концепт периферийного характера и применить его к исследованию обширного перечня современных континентальных разработок была предпринята в книге Сергея Жеребкина⁴² – единственной на данный момент работе о нестабильных онтологиях, опубликованной на русском языке. Книга, несомненно, обладает важным пропедевтическим

---

⁴² Жеребкин С. Нестабильные онтологии в современной философии. СПб., 2013. 350 с.

значением, а ее автор разрабатывает интересный критический инструментарий, однако свою задачу я вижу в том, чтобы по возможности сохранять дистанцию по отношению к устоявшимся формам «критической теории», т. к. считаю, что любая критика, забывающая о гиперкритическом характере критикуемого ею объекта (а это, как правило, поздний капитализм)⁴³, имеет свойство впасть даже не в детскую болезнь левизны, а в «манихейство». Критика, таким образом, блокирует доступ к нестабильности, осуществляясь через одновременную легитимацию своего объекта и самих критикующих⁴⁴. Проблема иммерсии настойчиво побуждает к смене перспективы: вместо некритического использования критического инструментария стоит обратиться к более детальному анализу онтологических моделей, что особенно актуально в случае с нестабильными онтологиями, ведь концепт введен именно в области социально-политической теории, тогда как сама встреча политики и онтологии рискует оказаться проблематичной⁴⁵. Исходя из этого я предпочел бы вернуть нестабильные онтологии на их спекулятивную «почву», обратившись к центральной, на мой взгляд, проблеме делёзианского имманентизма – проблеме становления, однако это решение ни в коем случае не равнозначно «выскабливанию» политических импликаций (т. к. это попросту невозможно), но связано с более осторожным отношением к ним. Для проработки концепций, связанных с нестабильными онтологиями, в предлагаемом исследовании использован широкий перечень источников, которые можно условно разделить на несколько групп. Прежде всего это

---

⁴³ См.: *Land N.* A Quick-and-Dirty Introduction to Accelerationism // *Jacobite* [May 25 2017]. URL: <https://jacobitemag.com/2017/05/25/a-quick-and-dirty-introduction-to-accelerationism/>; *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма. М., 2011. 976 с.

⁴⁴ *Аванесян А.* Критика – кризис – акселерация // *Логос*. 2018. Т. 28. № 2. С. 82.

⁴⁵ «Политизация онтологии означает регресс к антропоморфической близорукости; онтологизация политики спотыкается в тот момент, когда пытается вывести политические рекомендации из метафизического описания. <...> Освободительная политика, забывающая эпистемологию, быстро вырождается в метафизическую фантазию, то есть в религиозный субститут. Провал в изменении мира не может не быть связан с неудачной попыткой понять его» (*Брассье Р.* Понятия и объекты // *Логос*. 2017. Т. 27. № 3. С. 240-241).

базовые [пост]структуралистские тексты Жюль Делёза и Феликса Гваттари⁴⁶, постопераистские тексты Антонио Негри и Майкла Хардта⁴⁷, Паоло Вирно⁴⁸, Маурицио Лаццарато⁴⁹, а также тексты Петера Слотердайка⁵⁰, разработавшего нетривиальную «сферологическую» модель реляционной онтологии. Ко второй группе источников относятся работы западных и отечественных комментаторов и историков современной философии⁵¹. В третью группу включены исследования актуальных континентальных философов, разработки которых напрямую связаны с онтологиями становления, имманентизмом, аффирмативизмом, акселерационизмом. Особое место среди них занимает Бенджамин Нойз⁵², британский исследователь, который как раз и ввел термины «акселерационизм» и «аффирмативизм», соответственно, его работы важны как в контексте критики ускорения, так в контексте критики утвердительного модуса мышления, характерного для пост/делёзианской философии. Любопытная попытка вписать в делёзианство негативность была предпринята в книге Эндрю Калпа⁵³. В этом же текстовом блоке следует упомянуть нетривиальные работы Ника Лэнда⁵⁴, Эдуарду Вивейруша де Кастру⁵⁵ и Мануэля Деланда⁵⁶. Важное значение для прояснения проблематики

---

⁴⁶ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2008. 672 с.; Делёз Ж., Гваттари Ф. Кафка: за малую литературу. М., 2015. 112 с.; Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М., 2010. 895 с.; Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., 2009. 261 с.

⁴⁷ Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. 440 с.; Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. 559 с.

⁴⁸ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М., 2013. 176 с.

⁴⁹ Лаццарато М. Марсель Дюшан и отказ трудиться. М., 2017. 96 с.

⁵⁰ Слотердайк П. Сферы. Плюральная сферология. Том III. Пена. СПб., 2010. 924 с.

⁵¹ Декомб В. Современная французская философия. М., 2000. 337 с.; Дьяков А. Жиль Делёз. Философия различия. СПб., 2013. 504 с.; Gutting G. Thinking the Impossible. French Philosophy Since 1960. New York, 2011. 222 pp.; Гаспарян Д. Э. Введение в неклассическую философию. М., 2011. 398 с.; Critchley S. Continental Philosophy. A Very Short Introduction. Oxford, 2001. 148 pp.

⁵² Noys B. The Persistence of the Negative: A Critique of Contemporary Continental Thought. Edinburgh, 2010. 225 pp.; Noys B. Malign Velocities. Accelerationism & Capitalism. Winchester, UK; Washington, US, 2014. 94 pp.

⁵³ Culp A. Dark Deleuze. Minneapolis, 2016. URL: <https://track5.mixtape.moe/frhirm.pdf>

⁵⁴ Land N. Teleoplexy: Notes on Acceleration // #ACCELERATE# The Accelerationist Reader. Urbanomic, 2014. P. 509-520; Land N. Fanged Noumena. Urbanomic, 2011. 666 pp.

⁵⁵ Вивейруш де Кастру Э. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М., 2017. 200 с.

⁵⁶ DeLanda M. Deleuze: History and Science. URL: <http://www.univpgri-palembang.ac.id/perpus-fkip/Perpustakaan/Filsafat/Postmodernisme/DeLanda%20-%20Deleuze%20-%20History%20and%20Science.pdf>; Деланда М. Война в эпоху разумных машин. Екатеринбург; Москва, 2014. 338 с.

становления и жизни в философии Делёза имеют тексты Алена Бадью⁵⁷ и Джорджо Агамбена⁵⁸. Здесь же нужно указать имена Геральда Раунига⁵⁹ и Фредрика Джеймисона⁶⁰. К четвертой – и последней – группе относятся тексты современных отечественных исследователей, разработки которых напрямую связаны с интересующей меня проблематикой. Здесь следует упомянуть работы Василия Кузнецова⁶¹, Якова Свирского⁶², Дмитрия Кралечкина⁶³, Олега Аронсона⁶⁴ и Йозефа Регева⁶⁵.

Теоретическая и методологическая основа исследования. В соответствии с целью и задачами исследования использованы такие методы, как компаративистский и имманентный анализ текстов, а также исторический метод, необходимый для реконструкции контекстов, важных для понимания сформулированных выше проблем.

Научная новизна исследования

1. Впервые в отечественной исследовательской литературе предпринята попытка установления связи между концепциями тех представителей нестабильных онтологий, что претендуют на имманентистский подход.
2. Впервые в отечественной исследовательской литературе предпринята попытка проанализировать концептуальную пару виртуальное/актуальное и

---

⁵⁷ Badiou A. Logics of Worlds: Being and Event II. London, 2009. 640 pp.

⁵⁸ Agamben G. Absolute Immanence // Potentialities. Collected Essays in Philosophy. URL: <http://cscs.res.in/dataarchive/textfiles/textfile.2010-11-02.8261782670/file>

⁵⁹ Raunig G. A Few Fragments on Machines. URL: <http://transform.eipcp.net/transversal/1106/raunig/en>; Рауниг Г. Абстрактные машины // Логос. 2010. №1 (74). С. 207-215; Рауниг Г. Искусство и революция: художественный активизм в долгом двадцатом веке. СПб., 2012. 266 с.

⁶⁰ Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. Москва; Екатеринбург, 2014. 414 с.

⁶¹ Кузнецов В. Взаимосвязь единства мира и единства культуры. М., 2013. 240 с; Кузнецов В. Ю. Концептуальная гибкость как способ постижения ускользающего единства мира // Вестник РУДН. Серия: ФИЛОСОФИЯ. 2017. Т. 21. № 2. С. 213-221.

⁶² Аршинов В.И., Свирский Я.И. Этнос становящегося субъекта. URL: <http://iphras.ru/page49614777.htm>; Свирский Я.И. Индивидуация в сложностно-организованном мире // Философия науки. Вып. 18. Философия науки в мире сложности. М., 2013. С. 62-80.

⁶³ Кралечкин Д. Антипоследствие переводчика. Критика не в фокусе // Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007. С. 640-660.

⁶⁴ Аронсон О. Силы ложного. Опыт неполитической демократии. М., 2017. 446 с.

⁶⁵ Регев Й. Невозможное и совпадение: о революционной ситуации в философии. Пермь, 2016. 146 с.

показать, что она является базовой для понимания модели становления в онтологии избытка.

3. Впервые в отечественной исследовательской литературе предпринята попытка прояснения концепта избытка в современной континентальной философии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Концептуальная пара виртуальное/актуальное является базовой для понимания способа функционирования нестабильных онтологий, претендующих на отказ от трансцендентного. Эта пара концептов играет решающую роль в онтологиях избытка.

2. Концепт избытка напрямую связан с выделением двух онтологических режимов – виртуального и актуального. Виртуальное, будучи фундаментально неопределенным, предполагает неограниченное число возможных актуализаций. Таким образом, бытие [виртуально] оказывается избыточным по отношению к самому себе.

3. Политическая теория постопераизма перенимает базовую модель делёзианской философии, связанную с пониманием становления как актуализации, для разработки концепции множества как современного коллективного субъекта труда, специфической формой единства которого являются разделяемые интеллектуальные и лингвистические способности.

Теоретическая и практическая ценность диссертации. Основные положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке и чтении специализированных курсов по современной философии, а также в качестве материала для учебных пособий, посвященных актуальной континентальной теории. Результаты анализа различных концепций, полученные в ходе настоящего диссертационного исследования, могут послужить основой для дальнейшего изучения

нестабильных онтологий, имманентизма и современной философии становления. Концепт нестабильных онтологий практически неизвестен в российском академическом сообществе, тогда как он напрямую связан с текущими разработками в области континентальной философии и политической теории. Это существенно повышает **актуальность** представленной работы и ее значимость в контексте изучения новых типов онтологий.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертации были представлены на VI всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Философия. Язык. Культура». Доклад: Проблема прекарности в онтологии избытка. Факультет философии НИУ ВШЭ. Москва. 29-30 апреля 2015 года.

Структура диссертации обусловлена поставленной целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** очерчены контуры проблемного поля, прояснены основные используемые концепты, определены задачи, цель, объект, предмет и представлены ключевые тезисы исследования.

Глава I. Проблема субъекта в нестабильных онтологиях посвящена анализу различных концепций субъекта в нестабильных онтологиях.

В **параграфе 1. «От негативности ограниченной к негативности всеобщей»** проанализирована базовая для понимания онтологии нехватки концепция Александра Кожева и продемонстрировано, какое место в ней занимает субъект. Кожев осуществляет антропологическую интерпретацию гегелевской философии, разделяя мир на два противоположных полюса:

негативный, отсылающий к человеческому существованию, и позитивный, связанный с природным измерением бытия. В этом смысле история диалектична, тогда как природа не имеет с диалектикой ничего общего. Дуалистической такая онтология является лишь номинально, поскольку бытие и ничто – это два смысла бытия, на пересечении которых располагается диалектика. По Кожеву, привилегированный статус человека как существа отрицающего заключается в способности созидать историю. В ходе отрицания данности человеческий субъект выходит за свои пределы, что является залогом его человечности. Нехватка самотождественности субъекта предполагает восполнение, а значит, телеологию, что находит свое место в концептуализации конца истории: диалектика рабства и господства, истолкованная в качестве борьбы за признание обладает неожиданным измерением – полное признание возможно лишь в конце истории. Если человек по необходимости является существом отрицающим, конец истории влечет за собой его исчезновение, т. е. знаменует впадение в онтологическую однородность. Эта проблема стала одной из центральных для Жоржа Батая, чью позицию я сопоставил с кожевианской. Задача Батая состоит в том, чтобы помыслить сохранение человеческого после конца истории в форме некоего отрицательного остатка – безработной негативности. Это допущение является не столько сознательной попыткой подрыва кожевианской позиции, сколько выведением ее возможных предельных следствий: если исходить из того, что человек, будучи отрицанием сущего и самого себя, отрицает все основы, то следует предположить, что понятая таким образом негативность в пределе ведет к отрицанию самой человечности человека, т. е. к устранению агента отрицания. В этом смысле Батай переводит негативность из регистра «ограниченной экономии» в регистр «всеобщей экономии». Таким образом, я продемонстрировал, что подход Батая занимает промежуточное положение между онтологией нехватки и онтологией избытка, а значит – вполне соответствует предложенной Нойзом характеристике: «протоаффирмативизм». Итак, в философии Батая мы сталкиваемся с

утверждением избытка негативности, напрямую связанным с осуществленной им попыткой выведения отрицания за пределы антропологической матрицы: от «ограниченной» экономии негативности – к экономии «всеобщей», отсюда – пристальный интерес Батая к трансгрессии как опыту «самоутраты».

В параграфе 2. «Смерть субъекта» проанализирован один из базовых мотивов теоретического антигуманизма, фигурирующий под названием «смерти субъекта». Для этого я обращаюсь к структуралистским проектам Луи Альтюссера и Мишеля Фуко. Я привел и прокомментировал тезис Альтюссера, согласно которому субъект является понятием идеологическим и производится общественной властью посредством интерпелляции, идеологической вербовки. Неизбежным следствием такой трактовки является необходимость устранения субъекта из научного дискурса. Фуко проводит линию антигуманизма дальше, заявляя о том, что существование субъекта полностью детерминировано тремя параметрами: биологией его тела, системой трудовых отношений и языком. Изменение этих параметров неизбежно приведет к исчезновению того, что понимается под человеком в рамках существующей дискурсивной системы. Эти теоретические решения подготовили почву для дальнейшей проработки проблематики субъекта в онтологии избытка Делёза/Гваттари.

В параграфе 3. «Субъект, структура и становление» проанализирована пост/структуралистская концептуализация субъекта, осуществленная Делёзом. Продемонстрирована связь субъекта, структуры и становления. Для этого я реконструирую и комментирую вычлняемые Делёзом критерии структуралистского мышления, которые в его собственной философии обогащаются бергсонистскими интуициями, что в результате приводит к концептуализации структуры как системы трансформаций, любое представление которой оказывается включенным в нее. Структура обладает внутренним временем – временем актуализации. Эта ризоматическая

концептуализация структуры как динамической открытой системы позволяет устранить дуализм структуры и операции, т. е. структура не противоположна становлению, а, напротив, предполагает концептуализацию становления как актуализации виртуального. При этом единственным делёзианским субъектом остается сама структура: всякая структура – это виртуальная инфраструктура, скрытая своими актуализациями, т. е. структура – это базис, «основа», или «пред-лежащее», которым, по Хайдеггеру, и является субъект. Я также обращаюсь к мотиву производства субъективности, анализирую концепцию «податливого субъекта», т. е. такого, который постоянно изменяется в ходе взаимодействия с внешними силами, а затем рассматриваю трактовки субъекта в постделёзианской философии Слотердайка и постопераистов – Вирно, Негри, Хардта, – которые продолжают проводить линию, намеченную уже в раннем творчестве Делёза, исходя из которого вопрос о субъекте неотделим от вопросов о становлении, новизне, будущем.

В главе II. «Проблема единого и множественного в нестабильных онтологиях» проанализирован ряд имманентистских концепций, которые характеризуются обращением к концептуальной паре виртуальное/актуальное, и продемонстрировано специфическое преломление проблематики единого и множественного в этих концепциях.

Параграф 1. «Постплюралистская теория множественностей» посвящен проблеме единого и множественного в онтологии становления Делёза/Гваттари и концепциях их последователей. Одним из определяющих признаков нестабильных онтологий является устранение единства основания, которое замещается «изначальной множественностью»⁶⁶. Однако здесь, на мой взгляд, мы сталкиваемся с неявным затруднением: характеристика множественности как «изначальной» реабилитирует метафизическую логику предельного основания: множественность элементарных начал в философии Анаксагора отнюдь не является залогом ее «классификации» как

---

⁶⁶ Жеребкин С. Нестабильные онтологии в современной философии. СПб., 2013. С. 28.

нестабильной онтологии. Задача, следовательно, не в умножении начал, которые при этом не утрачивают характеристики простоты, а в изменении самой перспективы: простое начало – в единственном либо во множественном числе – невозможно в онтологии, где сама оппозиция простота/сложность отменена: в постметафизической философии Делёза нет ничего простого⁶⁷, поэтому само установление оппозиции простота-сложность здесь оказывается ошибочным. Ситуация, в которой апелляция к началу – запрещенный прием, подталкивает к тому, чтобы выработать иной способ мышления. Более того, если последовательно проводить постметафизическую линию, оппозиция единое/множественное тоже начинает вызывать сомнения, отсюда – необходимость реконцептуализации множественности в «постплюралистском» ключе. Термин «постплюрализм»⁶⁸ означает онтологический подход, в рамках которого единое не мыслится в оппозиции к множественному, и отсылает к формуле Делёза/Гваттари: «ПЛЮРАЛИЗМ = МОНИЗМ»⁶⁹. Это решение непосредственно связано с имманентистским характером пост/делёзианской философии: историю континентальной философии можно условно разделить на два магистральных направления – линию имманентного, на которой вслед за Спинозой и Ницше располагается Делёз, и линию трансцендентного, где мы встречаем имена Канта, Гуссерля, Левинаса и Деррида⁷⁰. Единое в рамках первой традиции, разумеется, не может мыслиться как нечто трансцендентное – более того, некоторые лозунги Делёза/Гваттари могут привести на мысль о том, что их задача состоит в «вычитании» единого из философской мысли⁷¹. На первый взгляд это не что иное, как призыв к устранению единства, однако сам жест отрицания единства может

---

⁶⁷ Аронсон О. В., Аршинов В. И., Буданов В. Г., Кузнецов В. Ю., Князева Е. Н., Лепский В. Е., Плахов А. С. Розин В. М., Свирский Я. И., Шулепов Е. М. Парадигма сложности в перспективе философской стратегии Жюль Делёза. Материалы «круглого стола» // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 2. С. 176.

⁶⁸ Вивейруш де Кастру Э. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М., 2017. С. 79.

⁶⁹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М., 2010. С. 37.

⁷⁰ Agamben G. Absolute Immanence // Potentialities. Collected Essays in Philosophy. URL: <http://cscs.res.in/dataarchive/textfiles/textfile.2010-11-02.8261782670/file>

⁷¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М., 2010. С. 11.

трактоваться как перформативное противоречие, на что справедливо указывает Василий Кузнецов: дело в том, что сам отказ от единства, как ни странно, оставляет нам полноправную возможность говорить о мире в целом – пусть и в модусе отрицания его единства⁷². Проблема единого/множественного в нестабильных онтологиях, определяющим признаком которых является строгий имманентизм (т. е. в онтологиях избытка), должна быть сформулирована в виде вопроса о том, как помыслить единое не в оппозиции к множественному. Итак, в рамках проекта Делёза/Гваттари мы встречаемся с таким решением, как постплюрализм. Это решение связано с квазидуалистическим разделением двух типов множественностей (виртуальное/актуальное). В рамках параграфа я проследил это решение не только в работах Делёза/Гваттари, но и в текстах других теоретиков – таких, как Касториадис, Деланда и др. Кроме того, я указал на непосредственную связь постплюрализма с идеями Лейбница.

Я сопоставил проект Делёза/Гваттари с идеями Латура, «актантно-ризомная онтология» которого предположительно является одним из ближайших «родственников» делёзианства. Кроме того, в рамках параграфа я реконструировал позиционный «конфликт» Бадью и Делёза, который позволяет лучше артикулировать концепции обоих теоретиков. Интуиция Бадью кажется мне верной: Делёз не устраняет единства, однако это «единство» является «динамическим и постоянно варьирующимся»⁷³; его вовсе не обязательно рассматривать в оппозиции с множественным – в силу того, что оно оказывается значительно более гибким, не подводящим свои элементы под общие признаки.

В параграфе 2. «Концепт множества в постопераизме» проанализирован постопераистский подход к концептуализации множества. Под множеством в данном контексте понимается коллективный трудовой

---

⁷² Кузнецов В. Взаимосвязь единства мира и единства культуры. М., 2013. С. 14.

⁷³ Там же. С. 111.

субъект позднего капитализма: «данная категория призвана объединить под знаком класса эксплуатируемых всех наемных работников – “физического” и “умственного” труда, производственной и непроизводственной сферы»⁷⁴. Таким образом, множество в некотором роде приходит на смену пролетариату в условиях нового духа капитализма, который неотделим от проектного мышления и нематериального труда, а значит, связан с мобилизацией таких ресурсов, как язык, воображение, информация, креативность. На разработку этого концепта в рамках постопераизма, разумеется, оказали определяющее влияние работы Делёза/Гваттари.

Множество – ризоматическая самоорганизующаяся система, отсюда его принципиальное отличие от «народа» и «толпы». Если народ состоит из разнородных индивидов, социальные различия которых синтезируются и сокращаются до состояния единообразия, то множество лишено качества внутреннего единства. Это, однако, не означает, что оно фрагментарно и анархично. Множество отличается от толпы тем, что единицы, составляющие последнюю, не проявляют себя как личности, поэтому они чрезвычайно подвержены манипуляциям извне, тогда как множество определяется как сложный, внутренне разнообразный, активный социальный субъект, чье строение и деятельность основаны не на идентичности, а на том, что в нем есть общего, т. е. на «жизни разума», разделяемых лингвистических способностях, всего, что проходит под рубрикой общего интеллекта⁷⁵.

Продемонстрировано, что множество не устраняет единства, но переопределяет его: единым для множества становится «общий интеллект», под которым понимаются разделяемые лингвистические способности, общие способности к утвердительному действию. Показано, что здесь мы также сталкиваемся с концептуальной парой виртуальное/актуальное, т. к. доиндивидуальное в постопераистской философии является своеобразным

---

⁷⁴ Чижова Т. Грамматика множества Паоло Вирно: к проблеме субъекта политического действия в эпоху постфордизма // *Топос*. 2013. № 1. С. 137.

⁷⁵ Хардт М., Негри А. *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М., 2006. С. 130.

аналогом виртуального и служит для концептуализации процесса индивидуации множества, т. е., в конечном счете, становления как актуализации.

В параграфе 3. «Плюральная сферология» проанализирована «сферологическая» модель реляционной онтологии, разработанная Петером Слотердайком. Один из ключевых концептов Слотердайка – это «пена». Данный концепт вводится для описания сложной социальной системы, помысленной в качестве неисчислимой множественности смежных ячеек. Необходимость использования концепта продиктована тем, что пена, будучи аналогом метафоры сети, вносит в нее дополнительный содержательный аспект, поскольку позволяет подчеркнуть пространственный объем самих ячеек. Плюральная сферология, будучи теоретическим наследником постплюралистской онтологии Делёза/Гваттари, предполагает во многом схожее решение проблемы единого/множественного: пена напрямую связана с философским решением мыслить единство как результат⁷⁶. В этом смысле Слотердаик демонстрирует последовательный имманентизм, т. к. подобный философский шаг неизбежно влечет за собой отказ от любой формы трансцендентной целостности, превосходящей уровень взаимодействующих единиц. Показано, что в так называемой плюральной сферологии мы имеем дело с онтологией полисферического мира, удерживающего вместе множественность коизолированных сред, или форм-процессов.

В главе III. «Проблема избытка в нестабильных онтологиях: утверждение, ускорение и возвращение к негативности» утверждается, что проблема избытка – это в первую очередь проблема подрывного потенциала аффирмативизма, которая может быть сформулирована в виде вопроса: как, последовательно проводя линию утвердительного мышления, а значит – ориентируясь на различие (новое), уклониться от его рекуперации? В рамках главы реконструировано базовое для аффирмативизма решение

---

⁷⁶ Слотердаик П. Сферы. Плюральная сферология. Том III. Пена. СПб., 2010. С. 293.

отказа от негативности, продемонстрированы его возможные импликации и осуществлен критический разбор аффирмативизма, акселерационизма и попытки реабилитации негативности в постделёзианской философии.

В параграфе 1. «Утверждение» реконструирована аргументация Бергсона, в соответствии с которой негативность является псевдоидеей. Показано, как эта философская установка выражается в концептуализации желания как бесконечного ресурса в теории Делёза/Гваттари; труда как производительного избытка в концепции Негри/Хардта; «изначального богатства», или неустранимого фона в философии Слотердайка. Все эти решения так или иначе отсылают к модели становления как актуализации, однако, как я продемонстрировал, попытки вывести политические рекомендации из делёзианской онтологии становления неизбежно сталкиваются с серьезными затруднениями.

Вопрос о том, насколько продуктивным является утвердительный способ мышления, «перереформированный» в социально-политическую философию, все еще остается открытым. Основываясь во многом на аргументах Бергсона⁷⁷, который обозначил негативность не иначе, как псевдоидею, Делёз/Гваттари разработали позитивную онтологию производства, одним из сквозных «сюжетов» которой стало положение о том, что желание избыточно и ни в коем случае не отсылает к антропоморфной матрице с присущими ей интенциональностью и негативностью. Подобным образом истолкованное желание позиционировалось как производительная сила. Эта идея была воспринята Негри/Хардтом, практически поставившими знак равенства между желанием и трудом, который, будучи производительным избытком, возвышается ими до статуса «билета» в посткапиталистическое будущее. Однако, по справедливому замечанию Дмитрия Кралечкина, философия Делёза/Гваттари сопряжена со своеобразной «системной ошибкой» по отношению к критическому

---

⁷⁷ Кроме того, необходимо упомянуть Спинозу и Ницше, чьи философские интуиции также легли в основу аффирмативизма.

мышлению, т. к. они избавляются от традиционного инструмента освобождения – категории негативности: «нечеловеческое» желание, о котором идет речь в «Анти-Эдипе», не проистекает из предшествующей нехватки, а, стало быть, не отсылает к ее субъекту. Это желание живет жизнью без цели, ведь наличие последней возвращает нас к потребности, различающей мир на значимые и незначимые элементы⁷⁸. Более того, нам фактически предлагают уравнение: цель = фашизм⁷⁹. В этом смысле устоявшиеся разделения на «прогрессивное» и «регрессивное», «тоталитарное» и «демократическое», «продуктивное» и «деструктивное» должны быть стерты, т. к. все эти оппозиции неотделимы от антагонизма, а значит – негативности, и, в конечном счете, предполагают реконструкцию более или менее четкой программы с соответствующей задачей, чему Анти-Эдип очевидным образом призван воспрепятствовать.

В параграфе 2. «Ускорение» произведен критический разбор такого направления постделёзианской философии, как акселерационизм. Акселерационистская гипотеза состоит в том, что капитализм обладает скрытыми производительными силами, достаточными для его преодоления. Кроме того, в рамках акселерационистской экспериментальной мифологии осуществляется специфическая онтологизация вымысла, связанная с концептом *hyperstition* и неотделимая от утверждения избытка реальностей как фикциональных систем. Отметив оригинальность базовых акселерационистских решений, я показал, что ставка на избыток и ускорение не вполне продуктивна, т. к., в конечном счете, предполагает некорректную трактовку идей Делёза/Гваттари, основополагающих для акселерационистского мышления.

Итак, в рамках параграфа проанализированы две основных «формы» акселерационизма, связанные с именами Ника Лэнда и Алекса Уильямса /

---

⁷⁸ Кралечкин Д. Антипослесловие переводчика. Критика не в фокусе // Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2008. С. 642-643.

⁷⁹ Noys B. The Grammar of Neoliberalism. URL: http://www.academia.edu/327085/The_Grammar_of_Neoliberalism

Ника Сернека. Их общей точкой референции является «акселерационистский» фрагмент из «Анти-Эдипа», основной посыл которого сводится к тому, что необходимо «идти дальше в движении рынка», т. е., следуя логике системы, двигаться по направлению к абсолютной детерриториализации. Следует заметить, что логика Делёза/Гваттари – задолго до появления акселерационизма – уже была подвергнута едкой критике⁸⁰. Однако я склонен считать саму эту критику до некоторой степени избыточной, т. к. абсолютная детерриториализация асимптотична. Поэтому сама ставка на ускорение не кажется мне сколько-нибудь продуктивной. Несомненно, капитализм обладает мощным потенциалом детерриториализации, однако это вовсе не является достаточным основанием для того, чтобы приписывать капитализму способность к абсолютной детерриториализации. Именно в этом предположительно состоит главная ошибка Лэнда, на что, в частности, обратил внимание его бывший «коллега» по CCRU Марк Фишер, который отметил, что осуществленный Лэндом «ремикс» идей Делёза/Гваттари во многих отношениях превосходит «оригинал», однако его понимание капитализма оказывается фатальным, т. к. сводит то, что французские философы именовали «шизофренией» к самому капитализму, упуская базовое прозрение Делёза/Гваттари: капитализм всегда дополняет детерриториализацию компенсаторной ретерриториализацией⁸¹. Нынешний «акселерационистский ренессанс» напрямую связан с утверждением необходимости интервенции, состоящей в захвате технологических сил. Однако, по Нойзу, подобная идея на сегодняшний день остается безнадежной, что приводит к стремлению почерпнуть недостающую надежду в прошлом⁸². Контраргумент левого акселерационизма заключается в том, что любой футуризм в той или иной степени является

---

⁸⁰ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М., 2015. С. 186

⁸¹ Fisher M. Terminator vs Avatar // #ACCELERATE# The Accelerationist Reader. Urbanomic, 2014. P. 344-345.

⁸² Noys B. Malign Velocities. Accelerationism & Capitalism. Winchester, UK; Washington, US, 2014. P. 25. Нойз отмечает, что сама идея ускорения является проблематичной в том смысле, что «она основана на уже доступных нам образах ускорения, очень неоднозначных, и, подобно другим способам представить себе будущее», сводится к воспоминаниям об «ускорениях прошлого» (Нойз Б. Танцуй и умри // Разногласия. 2017. № 12. С. 86).

ретрофутуризмом, поскольку в попытках вообразить будущее мы всегда обращаемся к средствам, идеям и понятиям из прошлого⁸³. С этим тезисом, кажется, нельзя не согласиться, но он предположительно подтачивает фундаментальное для акселерационистской мысли допущение возможности достижения абсолютной детерриториализации, которая отсылает к невообразимому: тело без органов – это тело без образа⁸⁴. Вывод, который следует сделать из этого, состоит в том, что в рамках теории ускорения мы сталкиваемся с попытками «заколдовать» будущее посредством наложения на него статичного *образа* – утопического либо апокалиптического, т. е., в конечном счете, отменить время, «очеловечив» его. Импульс детерриториализации предположительно требует движения в противоположном направлении, тогда как «люди по-прежнему остаются проблемой – даже если только в качестве тормоза, прерывания или момента инерции»⁸⁵. Эта проблема не получает решения в рамках акселерационизма, что делает ставку на ускорение и избыток неэффективной.

В параграфе 3. «Возвращение к негативности и его альтернатива» я обращаюсь к новейшей тенденции, которая состоит в попытках «вписать» негативность в делёзианскую философию, т. е. преодолеть аффирмативизм. Подобный импульс наиболее полно представлен в работе Эндрю Калпа, который противопоставляет утвердительной трактовке философии Делёза так называемый темный контрканон. По Калпу, недостаток аффирмативизма состоит в том, что он якобы предполагает терпимость, которая становится барьером на пути к изменению условий существования. Проект Калпа направлен против «коннективизма» и «продуктивизма». Под «коннективизмом» понимается организационная логика, ориентированная на интеграцию разнородных элементов в единую сетевую систему. Подобная

---

⁸³ Шрничек Н. «Термин “акселерационизм” стал бесполезным». Интервью с Ником Шрничекком // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 91.

⁸⁴ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2008. С. 22.

⁸⁵ Нойз Б. Дни минувшего будущего: состояние акселерационизма // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 132.

логика отсылает не только к теоретическим выкладкам современных философов, занимающихся описанием сетей, ассамбляжей, ризом, диспозитивов и т. д., но и, например, к геополитической стратегии *Google*, нацеленной на глобальное влияние. Под продуктивизмом понимается позиция, которая сводит производство к воспроизводству.

Я указал на то, что проект Калпа отнюдь не является первой попыткой «негативной» трактовки творчества Делёза. Само выражение «темное делёзианство» (*dark Deleuzianism*) было введено Александром Гэллоуэем еще в 2011 году для характеристики политической конфигурации, в соответствии с которой утверждение позитивности и принятие множественного в самых различных его формах приводят тем не менее к тому, что аффирмативизм призван был исключить: жесткому бинарному разделению между прозрачным миром и «темными континентами», иначе говоря, пространством, контролируемым государственной властью, и невидимыми зонами, населенными современными партизанами и сетевыми террористами⁸⁶. Некоторые сквозные мотивы и лозунги проекта Калпа можно обнаружить уже в манифестациях *Hostis*⁸⁷. Попытка развития делёзианских идей в дисконнективистском ключе была предпринята Николасом Тобурном⁸⁸. Вклад в «негативное» прочтение Делёза внесли Бенджамин Нойз⁸⁹ и Дэниел Барбер⁹⁰.

Итак, я проанализировал проект Калпа и указал на его слабые места. Затем я предложил краткий набросок своего решения проблемы подрывного потенциала пост/делёзианской утвердительной философии становления, которое, на мой взгляд, может быть связано с гиперидентификацией –

---

⁸⁶ *Galloway A. R. Black Box, Black Bloc // Communization and its Discontents: Contestation, Critique, and Contemporary Struggles / Ed. B. Noys. Wivenhoe; New York; Port Watson, 2011. P. 246–249.*

⁸⁷ *Hostis. 5 Theses on the Politics of Cruelty. URL: <http://theanarchistlibrary.org/library/hostis-theses-on-the-politics-of-cruelty.pdf>*

⁸⁸ «Политика могла бы ориентироваться на определенную творческую “не-коммуникацию”» (*Thoburn N. P. Vacuoles of Noncommunication: Minor Politics, Communist Style and the Multitude // Deleuze and the Contemporary World / ed. by Ian Buchanan & Adrian Parr. Edinburgh. P. 43*).

⁸⁹ *Noys B. The Persistence of the Negative: A Critique of Contemporary Continental Thought. Edinburgh, 2010. P. 51–79.*

⁹⁰ *Barber D. C. The Creation of Non-Being // Rhizomes. 2016. № 29. URL: <http://www.rhizomes.net/issue29/pdf/barber.pdf>*

специфической тактикой, основанной на утверждении, ключевыми признаками которого являются избыточность и неискренность.

Модель подрывного утверждения может быть легко обнаружена в текстах Делёза. Здесь следует вспомнить о двух способах обойти власть закона: или отбросить закон, восходя к его принципам, или, напротив, подорвать закон, обращаясь к его последствиям – подчиняться закону с избыточным усердием⁹¹. Первый способ связан с иронией и неотделим от восхождения к принципам с целью их опровержения, тогда как второй – с юмором, который отсылает к следствиям. Так понятый юмор является фундаментом гиперидентификации.

В гиперидентификации, или подрывном утверждении, как я показал, несложно усмотреть предлагаемый Калпом сценарий «двойной жизни». Различие заключается в том, что предложенное им негативное прочтение Делёза, претендуя на разрыв с метафизическим мышлением, реабилитирует телеологию, тогда как гиперидентификация не производит никакого устойчивого образа будущего, будучи последовательной имманентистской тактикой.

В заключении подводятся итоги работы.

Главная задача метафизики, как ее некогда сформулировал Уайтхед, состоит в том, чтобы прояснить значение единственной фразы: «все вещи изменяются»⁹². В некотором смысле представленное исследование сконцентрировано именно на этой задаче. Однако, во-первых, сама проблематика становления в данной работе переносится из метафизического регистра в постметафизический, а именно: в контекст, связанный с теми имманентистскими подходами в современной континентальной философии, которые позволяют мыслить становление как нелинейный и нестабильный процесс, и, во-вторых, по необходимости соотносится с попытками вывести политические рекомендации из спекулятивной онтологии. Таким образом,

---

⁹¹ Делёз Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 17-18.

⁹² «Прояснение значения фразы “все вещи изменяются” и есть главная задача метафизики» (Уайтхед А. Процесс и реальность. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/uaith_fil/05.php).

задача сводится к прояснению модели становления, которая предположительно является основополагающей для онтологии избытка – единственной линии из трех видов нестабильных онтологий, представители которой претендуют на строгий имманентизм.

В ходе исследования я продемонстрировал, что концептуальная пара виртуальное/актуальное является базовой для понимания способа функционирования нестабильных онтологий, претендующих на отказ от трансцендентного. Она выполняет основополагающую функцию в онтологиях избытка. Сам концепт избытка напрямую связан с выделением двух онтологических режимов – виртуального и актуального. Первое, будучи фундаментально неопределенным, предполагает неограниченное число возможных актуализаций. Подобным образом концептуализированное бытие оказывается виртуально избыточным по отношению к самому себе. Модель становления как актуализации перенимается представителями постопераизма для разработки концепции множества. Таким образом, поставленную мной в рамках данного исследования цель можно считать достигнутой.

Публикации по теме диссертации

По теме диссертации опубликовано 10 научных работ (объемом 7,2 п. л.), пять из которых напечатаны в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки России, объем статей – 4,1 п. л.

Работы, опубликованные автором в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки России:

1. Шалагинов Д. С. Машинное освобождение // Идеи и идеалы. – 2016. – № 4. – Т. 2. – С. 25-37 (0,9 п.л.).

2. Шалагинов Д. С. Модификация vs коммодификация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2016. – № 2. – С. 122-127 (0,4 п.л.).
3. Шалагинов Д. С. Вопреки безмолвному смеху: к вопросу о субъективности в нестабильных онтологиях // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 3. – С. 129-136 (1 п.л.).
4. Шалагинов Д. С. Онтология избытка и проблема прекарности // Идеи и идеалы. – 2015. – Т. 1. – № 4. – С. 78-87 (0,8 п.л.).
5. Шалагинов Д. С. Преодоление единства и онтологическая нестабильность // Философские науки. – 2015. – № 5. – С. 67-79 (1 п.л.).

Иные публикации по теме кандидатской диссертации:

6. Колганов А. В., Шалагинов Д. С. Скорость на продажу // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 1. – Т. 2. – С. 149-155 (0,2 п.л.).
7. Шалагинов Д., Сержан Э., Косякова В., Прантикова С. Некроленинизм: очерк о дефигурации будущего // Синий диван. – 2017. – № 22. – С. 172-190 (0,2 п.л.).
8. Шалагинов Д. С. Summa contra connexiones: ненависть к миру и двойная жизнь // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 3. – Т. 1. – С. 155-169 (1 п.л.).
9. Шалагинов Д. С. Новая плоть: к вопросу о телесной модификации в «Империи» // Артикульт. Научный электронный журнал Факультета Истории Искусства Российского государственного гуманитарного университета. – 2015. – № 4. – С. 22-32 (1,1 п.л.).
10. Шалагинов Д. С. Проблема прекарности в онтологии избытка // В кн.: Философия. Язык. Культура / Отв. ред.: В. В. Горбатов, А. В. Марей. Вып. 6. СПб.: Алетейя, 2015. – С. 254-266 (0,6 п.л.).